

2. Палеха, Р.Р. Первые интегративные теории правопонимания в российской и зарубежной юридической науке / Р.Р. Палеха, Е.Л. Ситникова // Вестн. ВГУ. – 2018. – № 1. – С. 37–47.

3. Ященко, А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Ященко. – Юрьев : Тип. К. Матиссена, 1912. – 841 с.

УДК 340.115

И.Л. Вершок

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ И ИХ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В условиях становления и развития советской государственности и права происходили соответствующие изменения в методологии общетеоретической государственно-правовой науки, отражающей эти процессы. Наличие политико-правовых изысканий о сущности Советского государства и права, а также о соответствующей юридической практике было характерно уже в начальный период формирования государственности после событий 1917 г. Осуществлялось «относительно изолированное, дифференцированное изучение отдельных сторон правовой действительности», с присущим тому периоду идеологически предопределенным философским инструментарием марксистско-ленинской методологии. Более системные научные изыскания в советской юридической науке стали проводиться позже. Они осуществлялись применительно к изучению правовой системы социализма и были направлены на формирование «обобщенных представлений о целостности правовых структур» – права, правосознания, правотворческой деятельности, нормы права, реализации права, правоотношений, правовых связей [1, с. 14]. С развитием объекта и расширением предметов различных отраслей юридической науки к концу 60-х гг. произошло закономерное активное пополнение «арсенала правовых исследований» новыми научными методами в дополнение к уже имеющимся, «традиционным» [1, с. 94]. Происходили значительные количественно-качественные изменения в методологии познания отдельных элементов социально-правовой действительности. В частности, это произошло и в отношении научного осмысления феномена правового сознания.

Так, в дореволюционный период при отсутствии универсальной терминологии феномены, связанные с осознанием социально-правовой реальности, рассматривались З.А. Горюшкиным [2], П.И. Новгородцевым, И.А. Ильиным [3, с. 8], Л.И. Петражицким в определенной мере с по-

зиций идеализма и метафизического подхода. Нарушение преемственности традиций русской политико-правовой мысли, резкого парадигмального сдвига в результате событий 1917 г. привели к абсолютно новым направлениям идеологического обоснования, соответствующего научного объяснения и, соответственно, совершенно новым путям построения советской государственно-правовой реальности как результата выражения иного – советского – правового сознания. Такое правосознание одновременно выполняло и роль фактора, обеспечивающего развитие новой, советской, государственно-правовой действительности. С 1917 до середины 30-х гг. вопросы правосознания постоянно поднимаются [3, с. 8] в условиях построения Советского государства и права. Происходит редукция правосознания до его революционной характеристики. Правосознание, понимаемое как форма отражения классовой сущности государства и права, рассматривается как классовое явление, обусловленное общественным бытием. Правосознание рассматривается в качестве юридического регулятора общественных отношений, его природа осмысливается преимущественно на уровне правоприменительной практики, что в настоящее время представляется перспективным для выявления функций правового сознания в практике разрешения юридических конфликтов путем судебных и внесудебных (альтернативных) процедур. С середины 30-х до середины 50-х гг. наблюдается снижение интереса ученых к феномену правосознания [3, с. 8], при этом в его содержание включаются преимущественно идеологические компоненты, что предполагает возможность рассмотрения содержания правового сознания на уровне аксиологии, в том числе актуальной на современном этапе.

Научный интерес к правовому сознанию резко возрастает к середине 50-х – концу 70-х гг. В советской науке появляются работы, посвященные проблемам правосознания как явления, сочетающего в себе рациональный и психический компонент [3, с. 8]. Методологические изменения проявились в том, что правосознание понимается не столько как отражение классовой борьбы, оно рассматривается в качестве формы отражения права, как субъективный образ объективной действительности. С 80-х гг. XX в. и до настоящего времени правовое сознание чаще всего анализируется с учетом традиций, заложенных советской наукой, в качестве формы отражения правовой материи либо путем перечисления таких его компонентов, как эмоции, взгляды, убеждения и т. д. Доминирует принцип противопоставления идеалистического и материалистического способов интерпретации государственно-правовой действительности. Кроме этого, из социологической науки согласно традициям советской

школы теории государства и права 80-х гг. заимствовались эмпирические методы исследования проблем правосознания и правовой культуры.

С учетом методологических принципов юридической науки, развивающейся в условиях постнеклассической парадигмы, допускается заимствование уже ставших традиционными тех методов научного познания правовой системы и важнейших ее элементов, которые имеют высокий эвристический потенциал. Представляется необходимым извлечь некоторые методологические подходы, досконально разработанные советской юридической наукой, с целью их дальнейшей интерпретации применительно к различным областям исследований общей теории права. Так, в отечественной юридической науке уже было сформировано и апробировано одно из направлений углубленного изучения государственно-правовой действительности на базе диалектико-материалистического и конкретно-исторического подхода [4, с. 18–20]. При этом «если в классической науке старая теория логическими средствами снимается в новой, входит в нее какими-то своими наиболее значимыми для нового знания элементами, то в XX веке в концепции Куна конкурентная борьба переносится в сферу личностных отношений между членами научного сообщества... новая теория-парадигма не поглощает старую, не разрушает ее, они сосуществуют, не будучи логически связанными» [5, с. 35]. Указанное обстоятельство привело к широкому использованию междисциплинарных исследований, существенно обогащающих методологию юридической науки в целом и дающих всестороннее знание о предмете. Одним из таких направлений изучения социально-правовой действительности необходимо признать междисциплинарное исследование проблемы личности в праве. Ее разрешение связывается с необходимостью гармонизации в юридической теории и практике «двух сосуществующих дискурсов: 1) дискурса человека, личности в праве (концептуального, гуманистического дискурса), конфигурирующего речь о личности в праве в декларирование ее прав и свобод» и «2) дискурса субъекта права (формально-юридического дискурса), отвечающего за фактическую, операциональную речь о субъекте права с позиции его субъективных прав и обязанностей» [6, с. 145–146].

На фоне распространения междисциплинарного подхода в проблемных вопросах общей теории права представляется актуальным правильное определение возможных и необходимых границ использования различных методов познания. Например, одним из традиционно используемых является сравнительный правовой метод. Однако уже в советский период юридической науки при оценке эвристического потенциала метода «сравнительного правоведения» совершенно справедливо поднимался вопрос о его универсальности. Перспективным для современной

науки и практики является вывод о том, что «сравнительно-правовой метод не является самоцелью. Он служит определенной познавательной задаче. Поэтому сравнительный метод, во-первых, нельзя рассматривать как некий стандарт в исследовании; во-вторых, важно определить те границы, в пределах которых данный метод и можно применять более эффективно» [1, с. 105].

Именно поэтому применительно к изучению правового сознания представляет несомненную актуальность вопрос о границах возможного использования сравнительного метода. С учетом того, что правосознанию как специфическому когнитивному процессу свойственны абсолютно индивидуалистические признаки, представляется нецелесообразным использование данного метода для оценки правового сознания по критерию высокого (низкого), удовлетворительного (неудовлетворительного), общественного (индивидуального) уровня, пользуясь методом сравнения. «Восприятие социального мира есть продукт двойного структурирования. Со стороны объективной, оно социально сконструировано, поскольку свойства, атрибутированные агентам или институциям, предстают в сочетаниях, имеющих очень неравную вероятность» [7, с. 77–78]. По этой причине сравнение правового сознания представляется невозможным, так как сводится к сопоставлению массового проявления актов выражения правового сознания в форме правовой культуры или правового менталитета. «Со стороны субъективной... объекты социального мира могут быть восприняты и выражены разным образом, поскольку они всегда содержат долю недетерминированности и неясности и в то же время некоторую степень семантической растяжимости. Действительно, даже наиболее устойчивые комбинации свойств всегда основываются на статистических связях между взаимозаменяемыми чертами; кроме того, они подвержены изменениям во времени таким образом, что их смысл (в той мере, в какой он зависит от будущего) сам находится в ожидании и относительно недетерминирован. Этот объективный элемент неопределенности... дает основание для множественности представлений о мире, которая в свою очередь связана с множественностью точек зрения» [7, с. 77–78]. Здесь сопоставление правового сознания как субъективного явления становится нерепрезентативным и ненаучным.

Не всегда обоснованным представляется использование математического метода, предложенного и активно используемого в рамках методологии советской юридической науки с целью изучения тех объектов, которым свойственны «вероятностно-статистические закономерности, то есть массовость» – «правосознание личностей, групп, слоев, классов», либо вообще отдельные элементы правосознания [1, с. 106–107].

Спорность использования данного метода применительно к правосознанию обусловлена квантовой, дискретной природой самого сознания не как процесса отражения действительности, а как процедуры вычисления, связанной с огромным массивом информации [8, с. 66], имеющей темпоральный характер. Более того, при использовании «спекулятивно-умозрительного понятия «общественное сознание» вообще появляются «парадоксы «отражения»» [8, с. 216]. Если бы культурная информация, локализованная в «общественном сознании», действительно являлась неким «отражением» (пусть даже и не «зеркальным») общественного бытия, то и факт такого «отражения» можно было бы эмпирически зафиксировать [8, с. 105], затем ввести определенные количественные параметры и подсчитать. Такая фиксация не представляется возможной даже для коллективного сознания, не говоря уже об общественном.

Примечательно, что советская методология юридической науки, активно направленная на изучение социальной практики в качестве предмета познавательной деятельности [1, с. 110], наряду с общественно-исторической практикой государственно-правового строительства, а также конкретными общественными отношениями и собственно юридической практикой включала и такой элемент, как «субъективное отражение этих отношений и процессов – политическое и правовое сознание, интересы и мотивы поведения, ценностные ориентации и социальные установки людей» [1, с. 112]. Это утверждение, в советский период еще не пересматривающее ортодоксальное противопоставление идеального и материального, в настоящее время получило продолжение в тезисе о материальности и телесности сознания и, соответственно, правового сознания. Так, современные философские работы по проблемам сознания, базируясь на сведениях из когнитивной психологии, нейрофизиологии, доказывают, что «мыслеобразы внутренней реальности материальны..., порождаемая сознанием мысль и есть материя – материя «внутренних планов сознания» [8, с. 242] и, наоборот, параметры восприятия, хранения, репрезентации информации существенным образом обусловлены специфически человеческой телесностью [8, с. 367]. С усложнением на этом фоне процессов сознания и, соответственно, правового сознания необходимы новые научные изыскания, базирующиеся на переработке и адаптации лучших методов советской теории государства и права, а также использующие междисциплинарный подход: достижения философии, психологии, социологии и кибернетики. В этой связи представляются перспективными исследования когнитивных особенностей правового сознания, его информационной природы, типологии, а также практических проблем объективизации правового сознания в правоприменении.

Список использованных источников

1. Правовая система социализма: Понятие, структура, социальные связи / под ред. А.М. Васильева. – М. : Юрид. лит., 1986. – Кн. 1. – 368 с.
2. Гусарова, М.А. Концепции правосознания в философско-правовой мысли России (на примере взглядов П.И. Новгородцева, И.А. Ильина и Л.И. Петражицкого) / М.А. Гусарова // Общество: экономика, политика. – 2013. – № 2. Электронный ресурс / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiipravosoznaniya-v-filosofsko-pravovoy-mysli-rossii-na-primere-vzglyadov-p-i-novgorodtseva-i-a-ilina-i-l-i-petrazhitskogo>. – Дата доступа: 05.01.2019.
3. Юрашевич, Н.М. Правосознание как средство обеспечения реформирования социально-правовой жизни белорусского общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н.М. Юрашевич ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 22 с.
4. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – Минск : Амалфея, 2002. – 656 с.
5. Маркова, Л.А. Наука на грани с ненаукой / Л.А. Маркова. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 336 с.
6. Павлов, В.И. К началам становления персонологии права (о новом взгляде на личность в праве) / В.И. Павлов // Генетические закономерности права : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. С.Г. Дробязко / редкол.: С.А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – 584 с.
7. Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства / Пьер Бурдьё // пер. с франц. ; отв. ред. пер. Н.А. Шматко. – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
8. Бескова, И.А. Феномен сознания / И.А. Бескова, И.А. Герасимова, И.П. Меркулов. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.

УДК 340.114.5

Е.И. Стабровский

ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ В СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Обращение к вопросам правосознания началось еще в древности. Однако теоретическую разработанность и актуальность данная научная проблема получила в трудах европейских общественных мыслителей конца XVIII – первой половины XIX вв. Особое место заняла русская правовая теория второй половины XIX – начала XX вв.

После начала социальных преобразований в России, связанных с политическими событиями 1917 г., новый вектор в изучении получило и правосознание. Свой вклад в формирование основ теории правового сознания внесли ученые-правоведы советского периода. Характерной особенностью советских правовых исследований следует отметить уход